

МАИЯ ФАР



АФЕРА  
ГЕНЕРАЛА ФЕРАРО

# Майя Фар

## Афера генерала Фераро

<https://litres.ru/74601982>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Я — попаданка, аномалия, выпавшая из Узора этого мира. Как и он, я служу инквизиции — и именно мне выпало найти того, кто похитил Венец Судьбы, артефакт, способный изменить целый мир.

Все следы ведут к нему. К дракону, которого боятся даже драконы. К тому, кто смотрит на меня так, будто ждал меня долгие годы.

Я знаю, что Венец украл он. Я только не могу этого доказать. Я иду по следу и поймаю его.

Главное — не попасться ему самой.

В книге будет:

романтическое фэнтези

от ненависти до любви

интриги и заговоры

игра двух равных

опасный мужчина, ХЭ

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 13 |
| Глава 4                           | 18 |
| Глава 5                           | 23 |
| Глава 6                           | 26 |
| Глава 7                           | 32 |
| Глава 8                           | 39 |
| Глава 9                           | 45 |
| Глава 10                          | 51 |
| Глава 11                          | 56 |
| Глава 12                          | 62 |
| Глава 13                          | 71 |
| Глава 14                          | 79 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 80 |

**Майя Фар**

# **Афера генерала Фераро**

Афера генерала Фераро

# Пролог

Потом я говорила себе, что должна была всё понять уже в первую секунду. По одному тому, как он на меня посмотрел.

Я приехала в этот город, чтобы поймать вора.

Я только не знала, что охота, которую я считала своей, началась задолго до меня и не за тем, за кем я думала.

— Наконец-то, агент Ставицкая.

Он произнёс моё имя правильно, не сделал типичную ошибку — не поставил ударение на первый слог, — и у меня похолодело между лопаток.

— Я вас ждал.

И улыбнулся. Так не улыбаются незнакомым людям.

Так улыбается игрок, которому наконец сдали достойную карту.

# Глава 1

*Двумя днями ранее*

За кражу этого артефакта полагалась смертная казнь. Император отдал бы половину империи, чтобы вернуть его, а он лежал на столе главы инквизиции Южного региона и тихо вибрировал под ладонью Альберта Фераро.

«Венец судьбы».

Альберт провёл пальцами по тёплому металлу и подумал, что ради одной женщины готов рискнуть и смертной казнью, и половиной империи.

За высокими окнами ночной город медленно погружался в сон. Свет фонарей дрожал в мокрой мостовой; где-то далеко прогудел последний поезд. В кабинете было так тихо, что он слышал собственное сердце.

Он поднялся из кресла и подошёл к окну. До того, что он задумал, оставалось меньше трёх недель. Меньше трёх недель до того, ради чего он жил последние десять лет.

В тёмном стекле отражался человек, которого знал весь мир. Герой войны, спаситель мира. Глава инквизиции. Один из самых влиятельных драконов империи. Тот, кто никогда не ошибается. И тот, кто был готов этот мир погубить.

Седина на висках стала заметнее. Под глазами залегли тени. Если бы они только знали...

Он вернулся к столу. На столе стояла фотография. На кар-

точке смеялась молодая женщина, прижав ладонь к заметно округлившемуся животу.

Ева. Десять лет прошло.

«Теперь уже скоро», — подумал он и не позволил себе додумать дальше.

В дверь постучали. Генерал убрал «Венец» в сейф и только после этого сказал:

— Войдите.

На пороге стоял Гарри Фафель. В руке он держал пакет, запечатанный алым сургучом — печатью столичного департамента инквизиции.

— Срочная депеша из столицы. — Он положил на стол запечатанный пакет. — Тебе это не понравится, Альберт.

Альберт сломал печать одним движением.

Он читал быстро. Лицо его не менялось: оно вообще редко менялось, генерал умел держать эмоции под контролем. Но Гарри, стоявший рядом, увидел, как напряжённо замерли пальцы генерала на середине листа.

*«Центральное хранилище вскрыто. Похищен „Венец судьбы“».*

Генерал зачитал вслух то, что было написано. Даже у бывалого и многое видевшего Гарри брови поползли вверх, когда он услышал.

Невозможное преступление. Ни следов взлома, ни свидетелей. Поисковый ритуал засёк сигнатуру артефакта и привязал её к одному-единственному региону империи.

К региону, где железной рукой инквизицию возглавлял генерал Фераро.

*«...для усиления расследования в ваш регион направлен особый агент департамента с чрезвычайными полномочиями. Имя агента — Аврора Ставицкая»*

Генерал прочитал имя про себя, потом зачитал его вслух. У Гарри не только брови выползли на лоб, но и рот открылся.

— Они с ума сошли?!

Имя было неместное. Так могли звать только тех, кто приходил в их мир из-за Грани; их было немного, и почти все они работали в инквизиции в департаменте судьбы.

Попаданка. Аномалия, которой нет в Узоре их мира.

Гарри что-то говорил — о столице, о наглости, о том, что прислать чужачку рыться в его городе — значит оскорбить лично его. Альберт не слушал.

Он смотрел на женское имя в депеше и впервые за десять лет испытал что-то, кроме бесконечной усталости.

Возможно, столица только что, сама того не зная, прислала ему недостающую деталь.

А вслух генерал сказал:

— Подготовь ей кабинет... хороший.

## Глава 2

*Три дня назад*

Вызов пришёл на общую панель, но дежурила я и забрала его себе. Кто-то скажет, что я карьеристка, и в чём-то будет прав: за шесть лет в этом мире я хорошо усвоила, что резонансные дела достаются тем, кто оказывается на месте первым.

Утром Арман, глава департамента судьбы, вызвал меня к себе.

Я плотно закрыла за собой дверь и встала перед столом Армана так, чтобы его не было видно из общего офисного помещения. Мужчина улыбнулся, оценив мой жест.

— Присаживайся, Аврора, — сказал глава департамента инквизиции. — Догадываешься, почему я тебя вызвал?

— Да, Арман. Я была там ночью.

— Что ты думаешь? — спросил Арман.

— Думаю, это кто-то из своих.

На красивом лице мужчины появилось удивление. Но не такое, какое бывает радостным, а удивление, когда ты удивляешься чему-то неприятному.

— Это невозможно.

— Почему?

— Все сотрудники инквизиции приносят клятву.

— Если есть клятва, значит, есть и клятвопреступники.

— Я видела, как с каждым сказанным мною словом меняется настроение мужчины, заставляя ноздри раздуваться, а зрачки делая вертикальными.

Арман смотрел на меня, и кто-то под его взглядом попытался бы съёжиться, но я не боялась. И я умела держать лицо так, что никто не мог догадаться, что у меня внутри.

— Если это окажется правдой, — сказал Арман, — и это кто-то из своих, и если он знает, как активировать, то он должен понимать и последствия.

Я пожала плечами.

— Мы не знаем мотивов преступника, поэтому довольно сложно оценить, зачем кто-то это сделал.

Накануне из самого защищённого хранилища мира был выкраден опаснейший артефакт этого мира — «Венец судьбы».

Наконец Арман перешёл к тому, ради чего меня вызвал. К тому, что было написано в той бумаге, которую он читал.

— Аврора, следы «Венца» ведут в южный регион.

— Я готова поехать, — сразу сказала я. Я хотела, чтобы именно мне поручили это дело.

— Там главой инквизиции служит генерал Фераро. Ты слышала про него?

Я покачала головой. Я могла не слышать про кого-то, даже известного и значимого, потому что я была не из этого мира, и Арман об этом знал. И сейчас он об этом вспомнил:

— Напомни, сколько лет ты здесь?

— Пять лет.

— Да. Последняя война завершилась как раз шесть лет назад.

И мне почему-то показалось, что Арман за что-то очень не любит этого Фераро. И следующие его слова это только подтвердили.

— Если бы он захотел, — сказал Арман, — мы бы все уже служили ему. Он бы без труда мог стать главой всей службы инквизиции. Но он странный. И да, Аврора, будь осторожна. Генерал Фераро ненавидит попаданцев.

— Почему? — удивилась я.

В этом мире достаточно хорошо и спокойно относились к тем, кто оказывался здесь по тем или иным причинам. Даже давали работу.

Арман помолчал пару секунд, потом добавил:

— Из-за попаданцев погибла его семья, ещё до войны, десять лет назад. После этого он переселился в тот отдалённый регион. С тех пор я ни разу не видел его в столице. Так что будь осторожна.

— Хорошо, — согласилась я со спокойным лицом.

— И не говори ему о своей гипотезе, что это кто-то из своих.

Это меня удивило: странно, если ты профессионал, то надо рассматривать любую версию. Вслух же я спросила:

— Он настолько сумасшедший?

— Ты даже не представляешь, Аврора, насколько он су-

масшедший, — ответил мне полковник Арман Роше. — Если он решит тебя убить, никто не сможет ему помешать. И ему за это ничего не будет.

Я вдруг ощутила холод — такой внутренний, как будто меня неожиданно зазнобило. Нет, я ещё не испугалась по-настоящему. Просто у драконов была своя мораль, и Арман мне не просто так всё это говорил. Значит, что-то и впрямь не так с этим Фераро.

«Вот же похититель чёртов, — подумала я. — Не мог, что ли, спрятать „Венец“ в другом регионе?»

Но делать было нечего. Дело было знаковым: если оно выгорит, то Арман, вполне возможно, займёт пост главы столичной инквизиции. А я могу занять его место!

Мне нравился его кабинет. Но когда я его займу, то поставлю здесь больше цветов: вся эта холодная чёрно-белая гамма меня всегда раздражала.

«А с Фераро... Я уж как-нибудь разберусь».

Я ещё не знала, что еду не ловить вора. Я ехала к нему.

## Глава 3

Поезд должен был прибыть вовремя. Здесь они всегда прибывали вовремя. В вагоне приятно пахло, наверняка в этом классе использовались дорогие ароматизаторы. Я ехала первым классом, всё оплачивало государство, но для большинства сотрудников был доступен только второй класс, и в нашем ведомстве по этому поводу частенько перешёптывались. Мол, Аврора за особые заслуги, не связанные с работой, получает и продвижение, и право путешествовать с комфортом. В чём-то они были правы. В департаменте судьбы в инквизиции я служила уже несколько лет, и глава департамента, Арман Роше, действительно был бы не против перевести наши отношения из деловых в более близкие.

Но я не хотела. Что-то меня останавливало, причём не потому, что я была высоких моральных принципов... Меня останавливала именно кандидатура потенциального любовника.

Я смотрела в окно. За стеклом проносились зелёные леса, изредка мелькали замки, драконы любили жить в замках. Они здесь были правящей расой. Люди тоже жили неплохо, просто меньше. Именно поэтому, как я тогда думала, миром и правили драконы.

А для таких, как я, существовала особая участь. Здесь нас называли аномалией. Попаданцами. Некоторые, придя в се-

бя в этом мире, не выдерживали и сходили с ума — и для них, к сожалению, всё уже заканчивалось. Нет, их не убивали. Но остаток дней они проводили в закрытых домах.

Где это всё находится, я не знала, да, честно говоря, и не интересовалась. Когда ты однажды умер, начинаешь очень ясно понимать, для чего тебе нужна жизнь.

И вот теперь поезд подходил к станции Аккра, столицы региона, где главой департамента инквизиции был легендарный генерал Фераро. Проводник заглянул в купе:

— Госпожа Ставицкая, ваша остановка. Не забывайте свои вещи.

Я не думала, что задержусь тут надолго, поэтому со мной был лишь небольшой саквояж. Подхватив его и отказавшись от помощи, я вышла на станцию.

На станции было чисто, яркой белой краской радовало взгляд свежевыкрашенное здание вокзала; мимо меня проходили спешащие по делам люди. В общем, обычная атмосфера железнодорожной станции небольшого города. Я подумала, что никто из них и не подозревает, что если «Венец судьбы» активируют, то вся их налаженная жизнь рухнет. Никто не знал точно последствий.

Но ведь зачем-то его спрятали в самом охраняемом и неприступном хранилище мира. Которое оказалось уязвимым.

Мне показалось, что здесь теплее, чем в столице, хотя в драконьей империи холода случались редко, разве что на са-

мом севере. Здесь же и вовсе был юг.

Я вдохнула воздух. Помимо привычного вокзального духа, неуловимо пахло какими-то цветами. Но даже с такими романтическими мыслями расслабляться было нельзя. Осмотревшись, я с удивлением поняла, что меня не встретили. Неужели уведомление о моём приезде не дошло?

И будто в ответ на эти мысли из-за спины раздалось:

— Госпожа Ставицкая?

Мужской голос, слегка хриплый, будто бы его обладатель был простужен. Я обернулась. Передо мной стоял человек в форме; судя по нашивкам — низший чин инквизиции. Наверное, попаданец и из недавних или из тех, кто не отличается амбициями.

— Меня зовут Милош Мориц, — представился он, окончательно подтвердив мою догадку. — Я буду вашим помощником на время пребывания здесь и стану помогать вам в оперативных действиях.

Он протянул руку, собираясь взять мой саквояж, и это вышло так по-земному, что я улыбнулась. Но мы больше не были на Земле, поэтому саквояж я не отдала.

— Приятно познакомиться, лейтенант, — сказала я с каменным выражением лица.

Здесь не было принято демонстрировать чувства и бросаться друг другу на шею с криком «Земляк, земляк!». А я с точки зрения иерархии была выше по званию.

— Куда сначала желаете поехать? — спросил Милош. На

его лице мелькнула лёгкая холодность.

Я знала: неприятно, когда рассчитываешь на одно, а получаешь другое. Но такова жизнь. Я и правда была подполковником, а он лейтенантом.

— Хотите сначала в гостиницу? — спросил он.

— Нет, Милош. Поедемте сразу в отделение инквизиции. Мне бы хотелось познакомиться с его руководителем.

— Как скажете, — произнёс он.

И мне вдруг стало неприятно оттого, что я повела себя как дракон.

В машине Милош молчал и косился на меня так, будто я отобрала у него обед. Я тоже молчала. Молчание вообще интересная штука. Если тебе нечего сказать, молчи. Не расплёскивай силу зря. А с неловкостью можно бороться.

Отделение оказалось не там, где я ждала. Не в центре, не на одной из площадей города, которых мы проехали штуки три, не меньше.

Монументальное тёмное здание, выраставшее из земли у самой реки. Мы вошли внутрь, там было прохладно и тихо. «Словно склеп». — Я непроизвольно поёжилась.

Люди в коридорах ходили быстро, никаких стеклянных кабинетов или уютных уголков для того, чтобы выпить чашечку кофе, не отвлекаясь от рабочего процесса.

Меня повели наверх.

— Сюда, — сказал Милош и остановился возле дверей, выкрашенных в тёмно-коричневый цвет. На двери была ме-

таллическая табличка, на которой было написано: «Альберт Фераро».

И ни должности, ни звания.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Милош остался в коридоре.

Кабинет выходил окнами на реку. Окно было настолько большим, что вначале я увидела только его. У стола спиной к свету стоял мужчина, и в первое мгновение я увидела только силуэт. Тёмный и монументальный, как и здание, которым он руководил.

Потом он обернулся. И наши взгляды встретились. И я поняла, что Арман ошибся.

Меня предупреждали не о том.

## Глава 4

Меня предупреждали о чудовище. О том, что генерал ест на завтрак пощанцев и движением руки останавливает армии тьмы. Я ехала сюда, готовая встретиться с чудовищем, рядом с которым будет сложно находиться в одной комнате, не то что разговаривать.

И вошла я, нацепив на лицо любимую маску холодного профессионала, у которого нет слабостей.

Но мне это не пригодилось.

Потому что человек у окна смотрел на меня так, будто я не вошла в чужой кабинет, осквернив его своим присутствием, а наконец вернулась туда, куда давно должна была прийти.

Он был высоким, но не мощным, как, к примеру, мой босс, но он был очень и очень силен. От него шла та особая тяжёлая сила, какая бывает у стихии, перед которой бессильна самая сильная магия.

Шторм, гроза, вулкан... Сложно было подобрать слова, чтобы описать, что я почувствовала.

Тёмные волосы, седина на висках, которую он не давал себе труда скрывать. Седина меня потрясла. Драконы старели очень медленно, и вот признаков старения у них почти не было, а генерал был со всей своей силищей больше похож на человека именно благодаря вот этой вот седине.

«Один из самых влиятельных драконов империи, — гово-

рил про него Арман. — Тот, кто никогда не ошибается».

Арман забыл сказать главное — что генерал Фераро красив, наверняка нравится женщинам; такие вот мужчины с надломом всегда нам нравятся больше. Особенно когда им это безразлично.

— Наконец-то, агент Ставицкая. Я ждал вас.

Генерал улыбнулся.

— Поставьте ваш саквояж, присаживайтесь, — произнёс он, пододвинув мне стул. — Как добрались?

— Генерал Фераро, — в тон ему ответила я и позволила себе ровно ту улыбку, какую полагается дарить начальству, — спасибо за заботу, доехала быстро и с комфортом.

И тут же поняла, что он знал, что я ехала первым классом.

— Вам подготовили кабинет. — Он чуть повёл рукой в сторону, не оборачиваясь к окну. — Этажом ниже. С окном на восток. Я подумал, вам захочется света.

Вот теперь я почти растерялась.

Меня везли сюда как на войну. Арман трижды повторил: «Будь осторожна». Я ждала запертых дверей, ледяного «Вы здесь лишняя», бумажной волокиты, какую устраивают, когда хотят, чтобы столичный гость поскорее уехал ни с чем. Я ждала ненависти.

А получила окно на восток.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказала я и всё же решилась на провокацию. — Я слышала, вы не жалуете таких, как я.

Я сделала это намеренно и уже ожидала, что вот сейчас слетит маска добренького генерала и значок станет вертикальным.

Но его значок не дрогнул. Более того, генерал улыбнулся, и при виде этой улыбки мой контроль дал трещину. Я сжала руку в кулак, впившись ногтями в ладонь, чтобы удержать лицо.

— Если вы про попаданцев... — сказал он спокойно. — Да. Не жалую.

Сказал так просто, что и возразить было нечего. Он не стал оправдываться, не стал отводить взгляд — наоборот, посмотрел внимательнее, будто я была не той, кого ненавидят, а той, на кого делают ставку.

— И всё-таки дали мне удобный кабинет с окном на восток.

— Чтобы проявить к вам любезность. Я не обязан вас любить, госпожа Ставицкая. У вас репутация профессионала, я умею ценить, когда кто-то умеет работать. — Уголок его рта дрогнул, но до усмешки или ещё одной улыбки дело не дошло. — А вы, говорят, умеете.

— Тогда вы понимаете, зачем я здесь. — Я продолжала пробовать, насколько широки границы его терпения.

— «Венец судьбы», — сказал он. — След привёл в мой регион. Столица в ярости оттого, что самое защищённое хранилище мира оказалось дырявым, и прислала ко мне свою лучшую гончую — обнюхать мой дом. — Он наконец отошёл

от окна, и свет лёг ему на лицо. — Я ничего не упустил?

— Почти ничего. — Я выдержала паузу. — Кроме того, что лучшая гончая обычно начинает с хозяина дома.

На лице генерала возникла лёгкая полуулыбка. И от этого мне почему-то стало горячо, как будто внезапно дохнуло жаром пустыни Салиях.

— Разумно, — сказал он. — Я бы на вашем месте в первую очередь подозревал именно меня.

— Вы предлагаете внести вас в список?

— Я предлагаю не вычёркивать меня из вежливости. — Он смотрел в упор, и в этом взгляде не было ни страха, ни вины. Было что-то куда более опасное. Интерес. — Вежливые следователи раскрывают мало дел.

Я повидала достаточно допросов, чтобы знать: невиновые нервничают, виновные потеют, а вот так ровно держатся только двое — те, кому и правда нечего скрывать, и те, кто всё уже просчитал и потому давно перестал бояться.

На первого генерал Фераро похож не был.

— У вас есть версия, — сказал он вдруг. И это не было вопросом.

— У меня есть инструкции, — ответила я. — И ни в одной пока не значится делиться версиями с человеком, чей дом я приехала обнюхать.

— Хорошо. — Он кивнул, будто я только что подтвердила что-то, что он и так знал. — Держите её при себе. Я ценю людей, которые умеют молчать.

И на несколько мгновений в кабинете воцарилась тишина. Но не такая, как в остальном здании, не настороженная, а тишина, которую каждый использовал по-своему. Эта тишина дала каждому из нас время подумать и принять решение.

Я стояла напротив того, кого мне велели бояться, и ловила себя на странном.

Я не боялась. Я предвкушала. И это пугало куда сильнее.

— Добро пожаловать в Акрру, госпожа Ставицкая, — сказал генерал Фераро, и в его голосе мне послышалось что-то почти похожее на нежность — и оттого совсем не похожее ни на что хорошее. — Я очень ждал вашего приезда.

Меня предупреждали, что он меня возненавидит.

Но никто не предупредил, что он будет мне рад.

# Глава 5

*Альберт Фераро*

Попаданка. Она была из тех, кого Фераро ненавидел. Он не делил их на мужчин и женщин, он даже не помнил лиц тех, из-за кого погибла Ева. Он тогда сорвался и сжёг всех, кто был там, на месте аварии. Его оправдали, учитывая обстоятельства дела и его заслуги. И даже разрешили вернуться на службу. Для всех он был нормальным, насколько это было возможно в его ситуации. А на самом деле он жил только ради одной цели.

Что же касается тех, кто приходил в их мир из-за Грани, то они просто слились для него в один общий ненавистный образ.

Позже он научился жить и даже взаимодействовать с ними: без них никак, особенно в инквизиции. Но сейчас ему предстояло нечто другое.

Она должна была стать его оружием, а для этого она должна поверить ему, довериться. Женщину можно ввести в заблуждение, только если она сама готова на это.

Дверь за ней закрылась мягко, значит, вышла она в том состоянии, которого он и добивался: немного удивления, немного растерянности и женского интереса. Сам Альберт ещё долго стоял у окна, глядя, как играют блики фонарей на тёмной поверхности воды.

И в отражении он видел её лицо. Не ту маску, за которой она пыталась скрыться, а другое.

Лицо, которое проявилось, когда он сказал, что ждал её. Она ещё не знала, что это была самая чистая правда, какую он сказал кому-либо за десять лет.

Немного нервное лицо женщины, не желающей впускать кого-то в ближний круг — настолько, что за те годы, что она здесь, у неё даже не было мужчины, хотя обычно красивые попаданки никогда не оставались одинокими.

Но вокруг неё ходило много слухов, в частности даже про то, что она именно так и сделала карьеру. Но Фераро выяснил: хотели её многие, драконам сложно пройти мимо привлекательной женщины с такой внутренней силой, и она была приветлива со всеми, но никому не ответила взаимностью.

Драконы делали ставки, и они росли, становясь выше и выше. Арман Роше, перед кем не устояла ещё ни одна женщина, чего только ни делал, чтобы её заполучить, но и ему это не удавалось. Все считали её стервой, расчётливой и жёсткой. Карьера — вот что её возбуждало. Но Альберт Фераро увидел другое.

А значит, он попробует пробить эту крепость.

Никто не знал, но это именно он сделал запрос, чтобы прислали именно её.

Первый же разговор показал, что он не ошибся: за десять минут разговора она сделала то, чего не сумел бы сделать ни

один присланный из столицы следак-дракон. Она посмотрела на него и начала с него. «Лучшая гончая обычно начинает с хозяина дома». Она спрятала свою версию за уставом, но версия у неё была.

Она ему показалась как острый кинжал без рукояти: с какой стороны ни возмись, раны не избежать. И он сам попросил вложить его себе в руку.

Альберт отошёл от окна. На столе лицом вниз лежала фотография — он перевернул её, когда вошёл Гарри с той депешей, и так и не вернул на место. Не вернул и теперь.

Потому что Узор не переписывают просто так. За каждую возвращённую нить мир забирает другую. А та, кого в Узоре нет, та, что пришла из-за Грани и не вплетена ни во что, — единственная нить, которую можно убрать, не порвав полотна.

Аврора Ставицкая приехала ловить вора.

Она не знала, что приехала, чтобы прожить свои последние дни.

## Глава 6

Эту мысль он не позволил себе додумать — навык не додумывать был отработан годами. Он надел перчатки, спустился по лестнице мимо вытянувшихся в струнку подчинённых и назвал водителю адрес, которого не было ни в одном его рабочем маршруте.

К Кристин он ездил без охраны.

Дом Кристин Конвей стоял на холме над городом. У ворот пахло мокрой землёй и чем-то цветочным, ягодным и свежесдобитым: в её саду что-то цвело в любое время года. Кристин использовала южное солнце и чёрную землю юга по полной, в её доме постоянно были заготовки с собственного огорода и пироги.

Дверь была открыта, Кристин никогда не запирала ни кованую калитку, украшенную розами, навечно застывшими в причудливом танце, ни дверь в дом.

«Что можно взять у старой огородницы, кроме гранатовой наливки и банок с вареньем?» — смеясь говорила она, когда он укорял её за беспечность.

Но на всякий случай за домом Кристин всегда следили двое оперативных сотрудников. Генерал контролировал всё. А Кристин была ему дорога хотя бы потому, что она осталась единственной памятью о Еве.

— Привет! — крикнул он, входя в дом.

Кристин вышла из кухни — в белом переднике, с раскрасневшимся лицом, с седыми волосами, выбившимися из-под платка. Окинула его взглядом, под которым ему всегда хотелось убедиться в том, что все пуговицы застёгнуты и шнурки не развязались, и обняла. От неё пахло укропом и пирогами с ягодной начинкой.

— Альберт, как хорошо, что ты заехал, а я как раз приготвила твою любимую рыбу и напекла пирогов.

Он знал, что она каждый день готовит его любимый ужин в надежде, что он заедет.

— Здравствуй, Кристин.

— Садись. Ты вообще ел сегодня? Можешь не отвечать, я вижу, что ты уже сутки на одном кофе. — Она уже уходила на кухню, бросая слова через плечо. — Десять лет кормлю самого опасного дракона империи, как студента. Смотри, узнают в столице — тебя разжалуют из легенды.

Он сел. В её доме он всегда садился, потому что это было единственное место в мире, где не нужно было держать спину к свету, чтобы тебя не прочли. От Кристин было бесполезно скрываться: она читала его и так — со светом и без.

Кристин поставила перед ним тарелку с запечённой красной рыбой в сливочном соусе, в котором пестрели листочки укропа и икринки (действительно его любимое блюдо), сразу подала чай и вынесла поднос с румяными ароматными пирогами. Сама села напротив, подперев щеку.

На стене за её спиной висели фотографии — много, впе-

ремешку, молодые и старые, живые и те, кого уже не было. Среди них было фото смеющейся женщины с того портрета, что сейчас лежал лицом вниз в его кабинете.

У Кристин мёртвые жили рядом с живыми и никому не мешали. У него они занимали весь дом. В этом и была вся разница между ними.

— Ну, — сказала Кристин, разглядывая его поверх чашки. — Рассказывай, что у тебя стряслось хорошего.

— С чего ты взяла, что хорошее?

— С того, что ты приехал среди недели и без звонка. — Она прищурилась. — И с того, что у тебя глаза сверкают.

— В смысле сверкают? — удивился Фераро, точно зная, что дракона он держит и никакого лишнего сияния быть не может.

— Глаза у тебя сверкают жизнью, Альберт, — сказала Кристин, и впервые за весь разговор в её голосе не было насмешки. — Я не видела их такими десять лет. Уже думала, что и не увижу.

Он молчал. Сказать было нечего, и это было хуже всего, потому что молчанием он подтверждал то, чего не было. Она думала, что он ожил, потому что начал отпускать прошлое. Она не могла знать, что он ожил, потому что наконец скоро исполнит то, к чему шёл все эти годы.

— Кто она? — спросила Кристин.

На мгновение ему показалось, что она видит его насквозь, знает всё: и про «Венец» в его сейфе, и про час Белой Луны.

— Ты ошибаешься, Кристин, — сказал он. — Нет никакой женщины.

— Женщина есть, просто ты ещё сам не понял. — Кристин улыбнулась так, будто он сморозил глупость. — Альберт. Я знаю, как ты выглядишь, когда тебе кто-то небезразличен.

— Кристин! — возмущённо воскликнул он.

— Скоро сто лет уже, как Кристин. — Она отставила чашку. — Слушай, потому что больше тебе этого никто не скажет, у тебя все по струнке ходят. Я потеряла сестру. В тот же день и в тот же час, что ты — жену.

Он не ответил. Но ей не были нужны его комментарии.

— Я просто решила не дать тому дню забрать ещё и меня. Ева бы на меня рассердилась, ляг я в могилу следом. — Кристин усмехнулась, но это была усмешка сквозь непролившиеся слёзы. — Память должна вести вперёд, Альберт, а не держать за ноги, словно гирия. Если эта твоя «никто» из столицы может вытащить тебя из той могилы, в которую ты зарыл себя, кем бы она ни была, держись за неё. Слышишь? Не дай себе снова заледенеть.

Правда иногда бывает очень тяжёлой, такой, что её сложно принять, и кажется, что ложь легче. Кристин и не подозревала, что попала точно в цель.

На одну секунду — короткую и постыдную — ему захотелось рассказать ей всё. Про «Венец» в сейфе. Про Узор судьбы, который можно переписать. Захотелось, чтобы хоть

кто-то один в этом мире знал, что он собирается сделать, и, даже зная, что это может быть ошибкой, всё равно сказал, что он прав.

Но Кристин не сказала бы, что он прав. Кристин сказала бы правду. Потому он и ездил к ней именно тогда, когда хотел услышать правду, и потому именно ей был обязан солгать.

— Ты права, — сказал он. — Я подумаю.

Она потянулась через стол и накрыла его руку своей. Её рука была сухой, с пигментными пятнами на коже, но тёплой и родной.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Вот и славно. Не зря я молюсь за тебя каждый день, чёртов ты железяка.

Она поднялась налить ещё чаю, счастливая той маленькой незаслуженной радостью, которую он только что подарил ей вместо правды. Альберт смотрел на её спину, на стену, где живые и мёртвые висели вперемешку и никому не было больно.

И впервые за десять лет ему стало по-настоящему страшно. Не оттого, что он мог не успеть. Оттого, что он всё ещё хотел успеть.

Он уехал около полуночи. До часа Белой Луны ещё было время, но очень немного, а ему ещё столько надо было сделать, и, сворачивая к дому, Альберт думал уже о завтрашнем дне. Поэтому свет в окнах собственной квартиры заметил не сразу.

А заметив, в недоумении остановился: он никогда не оставлял свет включённым.

Консьерж не спал. Поднялся навстречу, вид у него был виноватый.

— Пьер, кто у меня?

— Простите, господин Фераро. К вам приехала женщина, она показала документы следователя... И я не посмел её не впустить.

# Глава 7

*Аврора*

Кабинет, который он мне дал, и впрямь смотрел окнами на восток. К ночи это уже не имело значения, окна выходили туда же, куда и его окно — на реку и раскинувшийся вдоль реки город. Жест я оценила.

В гостиницу я не поехала. Села за пустой пока стол, попросила удивлённого моим рвением Милоша принести все материалы по делу, самого помощника отпустила: он слишком громко зевал.

Оборудование департамента в этом регионе ничем не уступало столичному, и Милош принёс мне артефакты для просмотра записей с артефактов слежения, и они здесь тоже позволяли анализировать и присоединяться к базам данных для сопоставления результатов.

Я не в первый раз гоняла запись из хранилища по кругу, смотрела то в один угол, то в другой и вдруг увидела то, что ещё не проверяла.

У дальней колонны всего на пару секунд влоботорота мелькнул человек в форме смотрителя. Я сразу же сделала запрос.

Ответ пришёл через несколько минут: Юстас Лэнг.

И напротив его имени были две даты. Это означало, что Юстаса вот уже несколько месяцев нет в живых. Тогда как он

оказался там в предполагаемый день преступления? Меньше недели назад.

Это означало только одно: кто-то подменил запись на следящих артефактах.

Вот тебе и стены, сквозь которые прошёл вор. Никто никуда не проходил. Кто-то подменил картинку, и «Венец» вынесли под запись, на которой не происходит ровным счётом ничего.

А подменить запись центрального хранилища может не всякий. По пальцам одной руки таких людей в империи. Любопытно, кому это под силу? Если только Арман Роше мог сделать. А у кого ещё такой уровень доступа?

Или Альберт Фераро.

У меня даже ладони начали зудеть — такой забавной показалась мне эта мысль.

Я подхватила саквояж и вышла из здания. Фераро оставил мне водителя с машиной. Очень мило с его стороны. Мне полагалось ехать в гостиницу, спать и утром по протоколу отправить шифровку в столицу.

Но, вдохнув слегка влажный прохладный ночной воздух, я вдруг поняла, что мне надо поехать совсем по другому адресу, и я назвала водителю адрес Альберта Фераро.

Когда я вошла в фешенебельный подъезд, моя уверенность несколько поколебалась.

Возможно, потому, что дом, в котором жил генерал Фераро, больше напоминал старинный особняк, но, судя по все-

му, здесь было несколько жильцов.

Я говорила себе, что хочу просто посмотреть, как живёт легенда. Что это рекогносцировка. Всё это было правдой, но не отвечало на вопрос, почему я в полночь ехала к дому человека, которого мне велели бояться.

Консьерж, сухощавый пожилой мужчина с выправкой военного, сказал, что господина Фераро нет дома.

— Иногда господин генерал может не вернуться и до следующего вечера, — сообщил он мне, вероятно рассчитывая, что я уеду.

Но я показала ему документы.

— Я подожду наверху, — сказала я тоном, не оставлявшим выбора. — Откройте мне квартиру.

Консьерж тщательно проверил мои документы и только после этого впустил меня.

Генерал занимал весь этаж на третьем уровне. И из окна просторной гостиной была видна река.

Я прошла по квартире. Есть какое-то особое чувство, когда ты подсматриваешь в замочную скважину или вот так ходишь там, куда никого предпочитают не пускать. Потому что именно дом может показать истинное лицо его владельца.

Но не дом Фераро.

Я не могла себе представить, что это его квартира. Может, он женат?

В доме чувствовалась женская рука. Убранство комнат,

мягкая мебель, приятные тёплые цвета драпировки. Какие-то фарфоровые статуэтки и даже полка с женскими романами.

Я заглянула в шкаф: там висели женские платья и костюмы. И неуловимо пахло лёгкими цветочными духами. Но при этом я точно знала, что Фераро вдовец. Я изучила засекреченные материалы. Спасибо Арману. Если бы не он, я бы не смогла их получить. Жена Альберта Фераро погибла десять лет назад.

Я не имела права вторгаться в его личную жизнь, но когда я зашла в спальню, то на тумбочке рядом с кроватью я обнаружила томик с описанием легенд этого мира.

Я подумала: «Странный выбор для генерала инквизиции».

В томике была закладка. И когда я раскрыла его, то у меня чуть было не пропал дар речи.

Закладка лежала на странице, откуда начинался раздел по артефактам, и первым шла глава про «Венец судьбы».

Некоторые строки были подчёркнуты.

— Интересуетесь легендами, госпожа Ставицкая? — Голос генерала прозвучал столь неожиданно, что я выронила книгу.

«Или это он так тихо ходит, или я так задумалась».

Генерал стоял возле двери в свою спальню и насмешливо смотрел на меня. Медленно, палец за пальцем, он снял перчатки и потом поднял на меня глаза.

— Госпожа Ставицкая, что вас привело в мою скромную обитель в такой поздний час? Вам отказали в гостинице? — Он чуть склонил голову и добавил: — Нашли, что искали?

И по тому, как он это сказал, я услышала: он уже всё знает. Знает, что я нашла в книге и что я подумала.

— Нашла, — сказала я и тут же спросила: — Вы интересовались «Венцом судьбы». Интересно, зачем?

— А зачем вообще чем-то интересуются? — пожал плечами Фераро.

Вопрос явно был риторическим.

Я промолчала, и генерал переспросил:

— Так всё же чем обязан, госпожа Ставицкая? Должно быть, вы нашли что-то, что не терпит до утра.

«Спасибо за подсказку, генерал».

— Нашла.

Я подошла к генералу, так и перекрывающему проход из спальни в гостиную. И поскольку генерал не удосужился сдвинуться, то мне пришлось пройти мимо него почти вплотную. Я прошла мимо, вдохнув приятный древесно-цитрусовый аромат.

— Думаю, вам стоит взглянуть.

Я прошла к журнальному столику, возле которого стола моя сумка.

— Вот, — я достала папку с расшифровками и протянула ему, — взгляните.

Генерал смотрел не на папку, а на меня, но папку взял.

— Сначала скажите одну вещь, — произнёс он. — Вы пришли с этим ко мне. Не к своему начальству в столицу. Почему?

И я поняла, что попалась.

Потому что хорошего ответа у меня не было. Я открыла рот, чтобы красиво солгать.

Но генерал Фераро понимающе смотрел на меня, и я с ужасом поняла, что ответ он знает лучше меня.

— Хорошо, — сказал он. — Будем работать вместе. Уже поздно.

Он посмотрел на часы.

И вдруг прищурился, на губах его появилась лёгкая улыбка, и он тихо спросил:

— Останетесь работать здесь? У меня хорошая библиотека.

И от этого вопроса, казалось бы, совершенно невинного, у меня что-то сладко сжалось внутри.

— Нет, — сказала я, — благодарю за предложение, но теперь я, пожалуй, поеду в гостиницу.

Он взялся проводить меня. У двери, уже надев пальто и сделав несколько шагов к лестнице, я обернулась, не удержавшись.

Генерал Фераро смотрел мне вслед.

— До скорого, Аврора, — сказал он. — Мой водитель вас отвезёт.

Он впервые назвал меня по имени. И, сама не знаю поче-

му, мне захотелось, чтобы он сказал это снова.

А он уже закрывал дверь.

«И всё же, — подумала я, — зачем ему книга с легендами?»»

# Глава 8

*Аврора*

Гостиница была шикарная. Номер огромный, размером почти с мою квартиру в столице. Дорогие артефакты подстраивали свет под настроение; тяжёлые портьеры, которые раздвигались движением пальца; огромная кровать, в которой можно было потеряться.

После душа, завернувшись в белое пушистое полотенце, я заварила себе чай, развалилась в кресле и достала из сумки шоколадку.

«Опять забыла поужинать» — усмехнулась я.

«Если я не приглашу тебя на ужин, ты снова забудешь поесть», — каждый раз повторял босс, приглашая меня в очередной ресторан. И каждый раз оказывался прав. Вот и сегодня день был длинный, выматывающий, а в животе — только чай и шоколадка.

Впрочем, не еда занимала мысли. В голове крутилось одно. Все мысли были вокруг генерала Фераро.

Во-первых, он оказался совсем не тем, кого мне описывали. В какой-то момент, стоя в его кабинете, я даже усомнилась: а может, меня тут водят за нос и это вовсе не он? Но имя на табличке, тишина, словно натянутая струна, висевшая в здании инквизиции, и то, как вытягивались в струнку его подчинённые, не оставляли сомнений. Это был именно

он, великий и ужасный генерал Фераро.

А во-вторых... Он, обнаружив меня в собственной квартире, не только не разорвал меня на части... Мне показалось, что он со мной флиртовал. И, чёрт возьми, мне это нравилось.

Но я не могла понять, зачем он это делает. Возникла мысль, что слишком легко меня впустили в его квартиру и слишком очевидно там лежал томик легенд.

Меня раздражало, что я продолжаю о нём думать.

— Слишком долгое воздержание ни к чему хорошему не приводит, — пробормотала я, повторяя слова подруги Ленки.

Ленка осталась в прошлой жизни. Я заставила себя забыть её, как и всё остальное. Я никогда не вспоминаю о прошлой жизни. Она кончилась. Просто кончилась, и точка. У меня есть только эта. Может, не такая уж яркая, но вполне настоящая.

Чёртов Фераро, снова разбередил старую рану. Я выдохнула, шоколадка больше не казалась сладкой. Пришлось повторить: «У меня всё хорошо!»

Конечно, хорошо! Я живу в столице. У меня есть работа. Я хожу в театры и рестораны. При желании могу завести любовника, просто не хочу, потому что это всё равно ни к чему не приведёт.

«Мы те, кто пришёл из-за Грани, мы не вплетены в Узор мира. А значит, не имеем права на будущее».

Так здесь говорят о попаданцах. О таких, как я. Общество гуманно: оно даёт нам возможность прожить настоящее. Только настоящее. Без завтра.

И сегодня — впервые за долгое время — из-за этого его взгляда, из-за этой полуулыбки я снова поймала себя на дурацком вопросе. Том самом, который запрещаю себе задавать.

Зачем всё это?

Я тряхнула головой и потянулась за планшетом.

Формально таскать рабочий планшет в гостиницу запрещал устав. Но я частенько работала из дома, и Арман Роше прекрасно об этом знал. К тому же планшет принадлежал инквизиции — никакой личной информации внутри, ничего лишнего. Я открыла Сеть и набрала: «Венец судьбы».

Ожидаемо по запросу не нашла ничего конкретного. Одни легенды. Сам артефакт до недавнего времени считался выдумкой — ровно до того момента, как его украли. Я несколько лет проработала в инквизиции и даже не подозревала, что он существует.

«Венец» относился к древним артефактам, которые невозможно уничтожить. Никто до конца не понимал, как он действует. Но само название наводило на размышления.

Тот, кто наденет «Венец», может изменить судьбу.

Мне попалась интересная статья. Существовала гипотеза, что в определённое время, названное часом Белой Луны, при помощи «Венца» можно переплести Узор, заменив ни-

ти. Но подробной инструкции не было; сколько я ни вбивала в поисковик, зашла даже в закрытую базу данных, больше информации мне найти не удалось.

Только про час Белой Луны. Он наступает раз в сотню лет и знаменуется тем, что обе луны этого мира выстраиваются таким образом, что в течение недели их видно обе, а не одну за другой. И следующий час Белой Луны начнётся... через три недели.

У меня даже ладони вспотели. Так бывало, когда я вдруг понимала, что вот оно, вот тот след, что может привести меня к решению.

Но версия была сумасшедшей.

Ещё на прошлой работе следователем я усвоила одно правило: не отбрасывай ни одной версии. Даже самая безумная имеет право на жизнь. И вот сейчас, думая о генерале, я ловила себя на мысли: для человека его положения украсть подобную вещь — немыслимо.

Но для того, кто потерял смысл... Я вспомнила его квартиру, в которой до сих пор «жила женщина»...

Такой мог решиться.

Я допила остывший чай и приняла решение. Завтра поеду в храм судьбы, попробую поговорить со священнослужителем.

Попаданцев туда не пускают, но я-то поеду не как попаданка, а как офицер инквизиции. Пусть только попробуют не пустить.

\*\*\*

*Альберт Фераро*

Ему впервые за много лет стало интересно. Забавная, тонко чувствующая. Если бы он точно не знал, что она пришла из-за Грани, он бы решил, что она местная.

Он расставлял ей ловушки, но она не попала ни в одну, каждый раз удерживаясь на самом краю. Вот она собиралась солгать — и в последний момент сказала правду. Вот потянулась к книге, которую он оставил на виду, — и не удовлетворилась быстрым выводом, заглотив наживку, а предпочла задуматься. Её нельзя было купить очевидным. Это редкое свойство. Это подкупало.

И на долю секунды генералу стало почти жаль.

Он давно не помнил, каково это — быть с женщиной по-настоящему, а не покупать продажную ласку, в которой нет ничего, кроме физиологии. С ней, наверное, было бы иначе. Он поймал себя на том, что думает «было бы» — будто у этого «бы» есть будущее. И эта мысль ему не понравилась.

Потому что будущего не было. Ни у неё, ни у того, что между ними могло бы начаться. Потому что через три недели всё должно было закончиться.

Он подошёл к окну, за которым уже не было её машины. На стекле, как днём в кабинете, отразился человек, которому весь мир верил, что он герой, спаситель, тот, кто никогда не ошибается. Альберт смотрел на это отражение и впервые за

десять лет ловил себя на постыдном: ему хотелось, чтобы до часа Белой Луны оставалось не три недели, а немного больше. Ровно настолько, чтобы успеть узнать, какая она, когда не прячется за маской.

«Не привязывайся», — сказал он себе тем же ровным голосом, каким отдавал приказы, от которых вытягивались в струнку взрослые драконы.

И подавил в себе чувство, которое могло привести к катастрофе.

## Глава 9

Утром я с удовольствием спустилась к завтраку и, что для меня редкость, поела как следует. А выйдя из гостиницы, обнаружила у входа машину инквизиции. У капота, привалившись к дверце, маялся Милош, явно обиженный тем, что накануне я не проявила к нему должного дружелюбия.

— Госпожа Ставицкая, — сухо кивнул он. — Я к вашим услугам.

— Отлично, Милош. — Я устроилась на сиденье. — Предлагаю объехать все точки, где зафиксировали сигнатуру «Венца». Сколько их?

— Пять.

— Вот их и навестим.

Все пять оказались храмами судьбы, что удивительно совпадало с моим желанием.

В первом же храме я не стала оставлять Милоша в машине. Мы вошли вместе. Служитель удивлённо вскинул брови, увидев на пороге сразу двух попаданцев. Как они нас распознают — ума не приложу. Милош был в строгом костюме инквизитора, я же оделась в простой брючный костюм.

— Что привело вас, дети мои, в храм судьбы?

Удивление его я понимала. Попаданцы сюда почти не заходят, разве что из любопытства, как на экскурсию. Считается, что местные боги всё равно не слышат наших молитв:

мы не вплетены в Узор. Странно другое — что сами служители это терпели, но не поощряли.

Я всегда думала, что чем больше прихожан, тем сильнее церковь. Но здесь что-то было не так. Что-то не сходилось.

— Не могли бы вы рассказать нам о «Венце судьбы»? — спросила я.

— Что может знать простой служитель из того, что неизвестно инквизиции? — Священник явно нарывался, но мне было плевать — на всё, кроме дела, которое я собиралась раскрыть.

— Ваше мнение. — Я не стала улыбаться, я была представителем власти, пусть и человеком второго сорта.

И это сработало, священник не отказался. Он даже провёл нас вглубь храма, в небольшую переговорную комнату, посередине которой стоял стол, на нём — кувшин с водой.

Рассказ священника почти не отличался от легенд, которые я читала ночью в Сети. «Венец Судьбы» появился в одном из храмов больше тысячи лет назад. Боги не объяснили, зачем послали эту реликвию. Спустя три столетия мир сотрясла война, и тот, кто вышел из неё победителем, решил: «Венец», посланный богами, предназначен тому, кто готов взять на себя ответственность и править миром.

— И что с ним стало? — спросила я. — Он использовал «Венец»?

— Он исчез.

— В смысле — исчез?

— Надел «Венец» и исчез. Так гласит легенда. Хотя наверняка мы не знаем, был ли вообще этот «Венец» или его выдумали.

Я подалась вперёд.

— А он исчез физически? Или исчезла его нить?

Священник посмотрел на меня иначе. Совсем другим взглядом, в котором уже не было благодостной расслабленности; на меня смотрел хищник, который против того, чтобы всякие «нечистые» лезли куда не надо.

— Кроме богов, никто не может менять Узор, — медленно проговорил он.

А у меня в голове уже складывалась гипотеза. А что, если генерал Фераро хочет изменить Узор?

— Скажите, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно, — чисто теоретически. Если бы «Венец» существовал — можно ли с его помощью изменить Узор?

Улыбка сползла с лица служителя. Он смотрел на меня хмурым тяжёлым взглядом, и я поняла, что отвечать он не станет. Не потому, что не знает. А потому что точно знает, что «Венец» существует.

— Простите, госпожа Ставицкая. — Голос его стал ледяным. — У меня начинается служба. Мне нужно подготовиться.

Милош дёрнул меня за рукав. В храме судьбы лучше было не задерживаться. Я не верила во все эти штучки, но закон есть закон, особенно для тех, кто призван его охранять.

— Мы можем встретиться ещё раз? Поговорить? — спросила я уже на ходу.

— Я сказал вам всё, что знаю. — Священник отвернулся.  
— Пожалуйста, уходите.

Когда мы с Милошем вышли на улицу, я огляделась. Вокруг храма не было ни души.

— Милош, что это сейчас было? Какая служба? Тут даже людей нет.

— Госпожа Ставицкая...

— Зови меня уже Аврора.

Он выдохнул, будто именно этого разрешения и ждал.

— Аврора, поймите, он не хотел нам говорить, поэтому и выставил.

— Да что я такого спросила? Что в этом секретного?

— Вы правда не понимаете? — Он посмотрел на меня почти с жалостью. — Вы спросили то, что можно переформулировать так: как разрушить основы вашего мира.

Я остановилась.

— То есть изменить Узор — значит разрушить мир? С чего ты взяла?

— Считается, что Узор изменить нельзя. В принципе, — наставительно произнёс Милош. — А вы сидите в храме и спокойно спрашиваете, как это сделать.

Я внимательно на него посмотрела. Этот тьюфачный, обидчивый Милош только что выдал больше, чем все легенды из Сети.

— Откуда ты всё это знаешь?

Он потупился.

— Да я... человек маленький, госпожа Ставиц... Аврора. Меня устраивает, что я не помер. Живу, работаю. Городок у нас небольшой, я хожу на службы. Рядом с домом есть маленький храм, настоятель не против, что я прихожу. Там часто рассказывают про устройство мира.

Я прищурилась.

— А в том храме сигнатуру «Венца» находили?

— Нет.

— Во сколько служба?

— В шесть вечера.

— Отлично. Сегодня пойдём туда вместе.

Милош моргнул, сперва мне показалось, что испуганно, но потом немного расслабился и кивнул.

— Хорошо.

После этого мы объехали оставшиеся четыре храма, но везде было одно и то же: «Венец» — это символ богов, мы не можем это обсуждать с вами.

Создалось впечатление, что из первого храма всем пришло указание не общаться с нами. Поэтому посетить маленький храм, про который говорил Милош, стало ещё актуальнее.

Но перед тем как ехать в храм Милоша, мы заехали в отделение инквизиции. Кабинет, который мне выделили, заставил Милоша присвистнуть с порога.

— Ох, ничего себе. Такие хоромы тут только у одного человека. — Он выразительно ткнул пальцем в потолок. — У самого генерала.

Что-то в груди странно сжалось, но я промолчала, лишь подумала: «Неужели кабинет с окном на восток не был случайностью?»

Но вслух сказала:

— Зайдёшь за мной около шести, Милош.

Милош кивнул и ушёл. Я села за стол, чтобы разложить по полочкам всё, что выяснила, и отправить пару запросов. Включила планшет, потянулась за стилусом и замерла.

На столе лежала карточка.

Размашистый, уверенный почерк. Всего две строчки: «В семь я свободен. Продолжим расследование за ужином?»

И подпись: «Фераро».

Я медленно откинулась на спинку кресла, чувствуя, как загорается лицо, и сама себе не поверила, услышав собственный смешок.

— И что это за флирт, генерал?

Я ещё раз взглянула на карточку и написала: «В восемь».

## Глава 10

Перевернув карточку, я обнаружила, что это была визитная карточка ресторана «Белая луна». И судя по адресу, располагался этот ресторан на реке. Я с усмешкой подумала, что, вероятно, и окна этого ресторана явно расположены на восточной стороне.

Ну что же, у каждого свои странности. Я, например, не могу спокойно смотреть на раковину, если там нет жёлтого мыла. Оттого со мной всегда кусочек жёлтого мыла во всех поездках.

Карточку я оставила на столе, решила, что раз она «смогла» здесь появиться, то и обратное послание дойдёт, если Фераро не шутил.

Без четверти шесть за мной зашёл Милош, и мы поехали к его дому, туда, где располагался маленький храм, откуда не выгоняли попаданцев и даже допускали их на службы. Я рассчитывала, что в этом храме смогу получить ответы на свои вопросы.

Храм действительно оказался крошечным. Собственно говоря, это был даже не храм, а часовня. Один зал, такой маленький, что набившиеся сюда вместе со мной и Милошем десять человек стояли почти вплотную друг к другу.

Но, вопреки ожиданиям, в храме не было душно, слегка пахло чем-то напоминающим полынь, и света было доста-

точно, будто бы за окном и не стемнело.

И я уже приготовилась к тому, что будет долго и нудно, но, к моему удивлению, проповедь меня так увлекла, что я не заметила, как пролетел час.

Во-первых, уже через десять минут от начала мне казалось, что священник говорит только для меня.

А во-вторых, он говорил то, о чём я сама размышляла уже не первый год, как будто бы он знал, что сегодня на проповедь к нему приду я, и специально подготовился.

— Мы все дети времени, — так он начал проповедь, — и судьба каждого прописана в Узоре. И в наших руках сделать так, чтобы Узор был красивым, потому что чем меньше на нём узелков от рвущихся и переставленных нитей, тем более гладким получается полотно. Но полотно может выцветать, и тогда ему нужны новые краски...

Дальше шла аллегория, но я почему-то думала, что он говорит про попаданцев.

Когда проповедь закончилась, многие подходили к нему и благодарили, и каждого он осенял знаком судьбы, прикладывая два пальца к верхней части лба.

Мы с Милошем подошли последние, и когда он осенил Милоша, я удивилась и спросила его:

— Мы попаданцы — разве можно нам дарить благословение?

— А вы что, неживые? — спросил священник вместо ответа.

— Живые, конечно.

— В Книге судеб сказано: всяк живой может получить благословение в храме. — Хотя священник говорил всё это с серьёзным лицом, мне вдруг показалось, что он улыбается. Светло.

— Мы хотели кое-что спросить у вас. Можно? — подошла я главной цели нашего визита в храм.

Но именно перед этим служителем судьбы мне вдруг стало неловко, и я поняла, почему Милош молчал, никак не поддерживая разговор. Ему тоже было неловко спрашивать того, кто уже и так делился с нами сокровенным.

— Скажите... — Я собиралась задать тот же вопрос, что и священнику в храме, из которого нас почти что выгнали, но в последний момент передумала и спросила совсем другое: — Что может сделать тот, кто владеет «Венцом судьбы»?

Священник внимательно на меня взглянул, и что-то в его глазах мелькнуло такое, отчего я пожалела, что спросила об этом.

— «Венцом Судьбы» нельзя владеть, — после долгой паузы сказал он.

Ну у меня и вырвалось:

— А...

Но священник не дал мне договорить, добавил сам:

— Им можно стать.

Я с удивлением на него посмотрела:

— Что это значит?

Священник пожал плечами:

— Всё, что связано с «Венцом», — это миф, но один из мифов гласит: став венцом судьбы, ты сможешь переплести Узор.

— То есть... он живой?

— Я не знаю, — развёл руками служитель. — Я не уверен, что он вообще когда-либо существовал.

В общем, из храма я вышла с ещё бóльшим количеством вопросов, чем у меня было до этого.

И неожиданно поняла, что мне непременно нужно поговорить с Фераро. И очень хорошо, что он сам идёт мне навстречу.

— Госпожа Аврора. — Возле машины Милош вдруг остановился. — Вы не хотели бы вместе поужинать?

Я удивлённо посмотрела на мужчину, который мне рассказывал недавно, что счастлив тем, что жив. Но решила резко не отвечать: вроде он старается и помогает мне в расследовании.

— Милош, я уже договорилась. Ты можешь отвезти меня к ресторану «Белая луна»?

Милош поджал губы и кивнул. Мне стало его жаль и захотелось пообещать, что я с ним завтра пообедаю, но я не стала. Жалость к мужчинам ещё никого до добра не доводила, как и нарушение субординации.

Единственное, чего мне бы не хотелось, — так это того, чтобы Милош увидел, с кем я собралась поужинать.

Но, подъехав к ресторану, я увидела фигуру генерала Фераро, стоявшего возле входа.

Милош тоже его заметил, и в зеркале заднего вида я увидела его растерянный взгляд.

А вот Фераро, увидев наш автомобиль, сам подошёл и открыл мне дверь. Я машинально схватилась за протянутую руку, совершенно забыв, что я не женщина, а коллега. А он помог мне выбраться из машины, но не отпустил.

Пару секунд мы стояли с ним почти вплотную. Я чувствовала, что от него пахло кофе и приятным парфюмом; его лицо было близко, и я обратила внимание, что он гладко выбрит.

«Он явно готовился к этому вечеру, вероятно, на что-то рассчитывает, — пришла ехидная мысль. — Вот удивится, получив отказ».

А внутри что-то затрепетало, будто бы испугавшись, что отказать не получится.

# Глава 11

Дверцу он захлопнул сам, хотя прекрасно видел, что за рулём казённой машины сидит его сотрудник — попаданец, как и я.

Мелочь, но меня кольнуло.

«Вот оно. Настоящее отношение генерала Фераро к таким, как я».

И, как ни странно, от этого в голове разом прояснилось. Розовый туман, в который меня успело затянуть слишком пристальное внимание дракона, рассеялся сам собой. Вот и славно. Злость мне была куда привычнее.

Ресторан и впрямь стоял на реке. Услужливый официант провёл нас к столику у окна, за стеклом река катила свои воды, и была она не болотно-мутной, как я ожидала, а зелёной, почти изумрудной. Красиво. И ни капли не романтично, уговаривала я себя.

А вот Фераро вдруг застыл, глядя на реку. Будто видел за этой водой что-то своё.

— Вы хотели со мной поговорить?

Мы произнесли это одновременно. И замолчали, уставившись друг на друга, как два игрока, разом бросивших на стол одну и ту же карту.

Я опомнилась первой.

— Да. У меня к вам несколько вопросов, господин Фера-

ро.

— Думаю, мы можем сейчас обойтись без «господина»,  
— он улыбнулся, и меня словно током ударило — насколько  
это было искренне.

Мозг кричал: «Так не бывает!»

А что-то внутри его уговаривало, что, да, я же такая уникальная, вот он и не выдержал и пытается ухаживать за мной.

Я даже головой встряхнула, чтобы избавиться от романтической мути. И вызвала в памяти лицо Милоша, которого генерал предпочёл вообще не заметить.

— Не думаю, что это хорошая идея, — тоже улыбнулась я. И почувствовала, что так вцепилась в салфетку, которую собиралась положить на колени, что будь она бумажной, то непременно бы порвалась.

— Как скажете, — легко согласился он.

И мне отчего-то стало обидно.

«Мог бы и поспорить».

— Господин Фераро, а где вы были в третий день начала недели?

— Госпожа Ставицкая, я был здесь.

— В этом ресторане?

— Нет, — усмехнулся Фераро, — я был в городе.

— Есть кто-то, кто может это подтвердить?

Фераро пожал плечами:

— Вероятно, да.

— Назовёте имена?

— Нет.

К нам подошёл официант и остановился без слов рядом со столиком.

— Госпожа Ставицкая, отложите пока допрос, я чертовски голоден.

И так на меня посмотрел, что я сглотнула.

«Голоден?»

Но генерал был прав, что-то я увлекалась, надо немного сбавить обороты. И... Я же не могу всерьёз подозревать главу инквизиции региона, что это он ограбил хранилище.

Я выбрала мясо, а вот генерал — рыбу. Он каждый раз поступал так, как я от него не ожидала.

Заметив мой вопросительный взгляд, генерал прокомментировал, как будто бы знал, что у меня в голове:

— Мясо они здесь готовят хорошо, много лучше, чем в других заведениях, а вот рыбу... Рыбу они готовят феноменально. — И, слегка наклонившись, добавил: — Но я лучше, чем они, готовлю мясо.

— А рыбу? — не удержалась я от вопроса.

— А рыбу лучше готовит другой человек. — И на миг генерал словно закрылся. Быстро перевёл тему. — Так вам удалось найти что-то интересное насчёт «Венца»? — спросил он.

Еду ещё не принесли, и, пока мы ждали, я пересказала ему то, что услышала в маленькой часовне на окраине. Говорила и следила за его лицом — и всё отчётливее понимала: для

него это не новость.

— Значит, вы считаете, что «Венец»... живой? — спросила я.

— Вы никогда не держали его в руках? — спросил генерал.

Я покачала головой.

«Как бы я подержала его в руках, когда я о нём узнала в день его пропажи из хранилища?»

— А вы спросите у Армана Роше, ведь он наверняка имел возможность его потрогать.

— А вы?

— И я, — просто ответил генерал.

— И какой он на ощупь?

Генерал вдруг наклонился ко мне совсем близко, снял перчатку и провёл рукой, едва касаясь пальцами моего лица:

— Он тёплый и упругий...

Я отпрянула и только потом сообразила, что дышу так, будто пробежала стометровку.

— Вы не любите прикосновения? — снова перевёл тему Фераро.

— Почему вы так решили? — спросила я.

Но Фераро не ответил, потому что в этот момент принесли горячее.

А есть, оказывается, хотелось зверски. Мясо было таким, что я едва не застонала. Я и не подозревала, что бывает настолько вкусно. О чём честно ему и сообщила:

— Это восхитительно. Если вы готовите лучше или хотя бы так же — я готова расцеловать вас за один такой ужин.

— Так за чем же дело стало? — Он приподнял бровь. — Готов пригласить вас хоть завтра.

— К себе? — удивилась я.

— Да, — кивнул Фераро. — А что, вы боитесь? Вы же у меня были, ничего страшного в моём доме нет.

— И что, вы всех следователей приглашаете к себе на ужин? — спросила я.

— Нет, конечно, — искренне ответил Фераро.

И вот эта его искренность была наотмашь, не оставляя мне и шанса. Я не владела магией, но каким-то образом я чувствовала фальшь. Фальшивили все: и Арман, и другие, с кем я пересекалась в столице. Может быть, поэтому я никогда и никого не подпускала близко.

А вот Фераро ни разу не сфальшивил. И я прикусила щёку, чтобы прийти в себя и холодно сказать:

— Нет, господин Фераро, на ужин к вам я не пойду.

И тут он применил запрещённый приём:

— Если всё же решитесь, во-первых, я обещаю, что вам ничего не придётся опасаться, а во-вторых, я расскажу вам о «Венце» то, что никто не знает.

И, сказав это, он посмотрел мне в глаза.

— Я завтра вечером выступаю в суде, освобожусь в семь и буду вас ждать.

Больше мы не говорили про ужин, зато Фераро рассказал

мне о войне.

Я не знала, что война была с... попаданцами. Но вот только те попаданцы были другие. Они сами открывали порталы и пытались захватить мир.

— И тогда я впервые узнал о существовании «Венца», — сказал Фераро. — Без него мы бы не справились, только благодаря ему удалось закрыть дыры в пространстве.

— То есть вы и правда держали его в руках?

— Конечно, — снова искренне улыбнулся генерал.

И в эту секунду я поняла, что впервые за шесть лет в этом чужом мире мне отчаянно хотелось кому-то верить. И этим кем-то был генерал Фераро, которому верить было нельзя. Потому что одним из моих правил выживания в этом мире было: не верить драконам.

## Глава 12

Когда я вышла из гостиницы, служебная машина уже стояла на парковке. Прислонившись к ней спиной, меня ждал Милош; лицо у лейтенанта было мрачным, руки в карманах. Он, не отрываясь, смотрел на вход. Даже когда я вышла, он продолжил смотреть, как будто ждал, что вслед за мной выйдет кто-то ещё.

— Доброе утро, Милош. Давно ждёшь?

— С полчаса, — буркнул мужчина.

Я не стала больше ничего спрашивать: в конце концов, у меня своих проблем хватает, чтобы мне ещё в чужих разбираться.

И я уже потянулась к дверце, но взгляд зацепился за смятую салфетку у самого колеса. Вроде мелочь, но я успела подумать: «Неужели трудно было донести до урны?» Милош истолковал этот взгляд по-своему.

— Не всем же питаться в ресторанах, — сказал он с ленцой и кивнул. — Пора ехать, и так уже задержались.

Он разговаривал со мной не как младший по званию, а как сосед по лестничной клетке. Едва уловимая фамильярность, которую он позволил себе там, где не имел на это никакого права. Ещё Арман учил меня, что никому нельзя давать спуска, иначе никто тебя не станет уважать. Один раз с тобой поздороваются не по уставу, а потом начнётся разброд.

— Не всем так везёт, лейтенант Мориц. — Я нарочно назвала его по фамилии. — Но это не даёт вам права мусорить на улице. Поднимите салфетку и отнесите в урну. Это приказ.

Он усмехнулся:

— А почему не письменный?

Я подумала: неужели то, что вчера я с ним нормально общалась, привело вот к такому?

— Выполнять, — отрезала я, не собираясь с ним препираться.

Но что-то, видимо, задело его вчера за живое, и он решил показать характер. Демонстративно глядя мне в глаза, он затолкал салфетку ногой под машину. Потом сел за руль.

И вот тут я поняла ловушку. Если я сейчас не сяду, он уедет один, а я останусь стоять на парковке. И как я буду выглядеть в управлении? Пойду к генералу Фераро жаловаться, что мне не подчиняется какой-то лейтенант?

А вёл себя Милош как обиженный мужчина. Он что, ревнует?

Неужели я дала ему повод? Хотя один взгляд, хоть одну лишнюю улыбку, от которой он решил, что имеет шанс меня заинтересовать?

Я не стала изображать обиженную. Открыла заднюю дверь и села.

— Скажите, лейтенант Мориц, — произнесла я, когда впереди показалось здание инквизиции, — вы, может быть,

устали служить? Хотите перевестись в другой город?

— Нет. С чего вы взяли?

— Обращайтесь ко мне по форме.

Пауза.

— С чего вы взяли, подполковник Ставицкая?

— С того, что сегодня утром, нахамив мне и нарушив субординацию, вы сделали первый шаг к своей отставке. Очень широкий шаг. И то, что вы такой же попаданец, как я, вас не оправдывает. Я вас не пожалею. Вам ясно?

Машина затормозила так резко, что не будь я пристёгнута — разбила бы лоб о спинку переднего сиденья.

— Что вы делаете?

— Возвращаемся, — процедил он. — Туда, где надо выбросить вашу бумажку.

— Не дурите, лейтенант. — Я говорила тихо, и от этого голос звучал только жёстче. — Если вам вдруг показалось, что вы можете заинтересовать меня как мужчина, — вам показалось. Всё, что вы обо мне слышали, — правда. Меня не интересует ничего, кроме моей карьеры. И я растопчу любого, кто встанет у меня на пути. Вы меня услышали?

Ответом мне было молчание, но я не собиралась интерпретировать его действия, поэтому переспросила:

— Не слышу.

— Да, подполковник Ставицкая.

В его голосе я услышала ненависть. И это было хорошо. Пусть лучше ненавидит, чем думает, что может на что-то

рассчитывать.

Мне было неприятно. Парня было даже жаль. Но в этом мире всё решала сила — и только сила. Стоит позволить одному так с собой обращаться, как тут же найдётся десяток других желающих. А отставка для попаданца — это не увольнение. Это резервация. Специальные дома, куда свозят всех, кто не сумел зацепиться за место в инквизиции. Пожизненно. Угрожая Морицу отставкой, я, по сути, обещала ему медленное прозябание до конца дней. Он это понял. Поэтому и притих.

А если я хоть раз дам слабину, то в этом доме окажусь сама.

Этого я не хотела категорически.

В здании инквизиции я воспользовалась правом старшей по званию и отправила лейтенанта Морица в архив. Пусть посидит денёк в пыльном подвале — глядишь, станет покладистее. Задание я придумала громоздкое и безнадёжное: собрать за последние пятьсот лет все слухи и легенды, связанные с «Венцом», и заодно сделать анализ по последней войне.

Что-то сильно секретное он там вряд ли найдёт, но даже если принесёт систематизированную информацию, то уже хорошо. Я не собиралась на слово верить генералу Фераро.

Но правда — она такая: как бы все ни лгали, где-то среди этой лжи всегда остаётся крупица истины, которую видящий может нащупать. А видеть я умела.

Я собиралась заново пересмотреть записи из хранилища. Ведь не мог же кто-то просто прийти в любой день и вынести «Венец» из-под замка. Этому что-то предшествовало.

Только заняться этим я не успела.

Зазвонил магофон.

«Дракон чешуйчатый». — Я взглянула на экран и внутренне подобралась. Под этим кодовым именем у меня проходил босс.

— Авр-рор-ра, — раздался из трубки низкий обволакивающий голос Армана Роше.

Мне нравилось, как он произносит моё имя. Я знала, что моё имя для драконов звучит приятно: их собственные имена всегда несли в себе тот самый раскатистый «р». Ещё в самом начале нашего знакомства Арман удивлялся, что у меня «драконье» имя. Но это имя я принесла с собой из-за Грани и отказываться от него не собиралась.

— Слушаю, Арман.

— Включи видео, — попросил начальник.

Я включила.

— Ты где? — Его голос был удивлённым.

— В кабинете в инквизиции, — ответила я.

— Фераро что, выделил тебе кабинет? — Теперь и на лице Армана было написано неподдельное удивление.

А я весело сказала:

— Да, и с окнами на восток.

— На восток, — повторил Арман. — То есть ты смотришь

на реку?

— Да. А что не так?

— Я, когда приезжал к Фераро, получал кабинет с окнами во внутренний двор. — Он говорил медленно, будто пробуя слова на вкус. — Даже после прямого приказа выделить мне восточный кабинет, он не выделил мне его ни разу. Что ты с ним сделала, Аврора?

А мне стало не по себе.

Стоило ли рассказывать Арману, что мне не только выделили кабинет, но и всячески меня развлекают? Я решила, что об этом можно пока умолчать.

И перевела разговор на «Венец».

— Скажи, Арман, ты держал «Венец» в руках?

Арман нахмурился.

— погоди.

Он оглянулся по сторонам, и вдруг вокруг него всё будто потемнело. Я поняла, что он включил защиту от прослушки.

— Кто тебе сказал? — Тон Армана стал жёстким, исчезла ленивая бархатистость.

— Генерал Фераро, — не стала я скрывать.

— И что именно он тебе рассказал? — В голосе начальника появилась тревога.

— Только то, что стоит спросить у тебя, — честно ответила я. — Так да или нет?

— Да, держал.

И это повисло в воздухе, словно фраза была незакончен-

ной. Наверное, поэтому я спросила:

— И какой он на ощупь?

Я затаила дыхание.

— Аврора. — Голос Армана стал усталым, как будто бы его тяготил этот разговор. — Это был не самый приятный опыт в моей жизни.

— И всё-таки?

Арман сглотнул.

— Он будто живой.

— То есть «Венец»... Он что-то делает с тем, кто его надевает?

— Никто точно не знает, но по ощущениям — да, это может быть правдой.

— Тогда почему ты уверен, что вор его ещё не использовал?

— Потому что Узор не изменился, мы бы заметили. — Он помолчал, а потом убрал прослушку и спросил: — Что тебе удалось выяснить?

Я рассказала про подмену записи хранилища.

— Кто-то заранее позаботился, чтобы мы увидели то, что нам хотели показать.

На той стороне повисла пауза.

— Сбрось мне файлы.

Я отправила.

— Что-то ещё? — спросил Арман.

Я могла бы рассказать ему про квартиру Фераро. Про

справочник возле его кровати с закладкой на странице с «Венцом». Но почему-то не стала.

— Аврора. — Голос Армана стал ровным и оттого страшным. — У тебя не больше двух недель.

— На что? На то, чтобы найти вора?

— Через две недели наступит час Белой Луны.

— И что это значит?

— Что Узор станет крайне нестабилен. Если кто-то захочет на него воздействовать — именно в это время отследить это будет практически невозможно.

— А если мы не успеем?

— Тогда два варианта. — Арман говорил без выражения. — Либо вор активизирует «Венец» — и тогда уже всем будет всё равно. Либо нас с тобой просто заменят.

Арман отключился, оставив меня в странном состоянии. Я сидела и смотрела в окно. На восток. На реку, тускло блестящую под утренним солнцем.

Белая Луна.

Вчера Фераро водил меня ужинать. Ресторан назывался «Белая луна».

Совпадение? Или генерал просто любит смотреть на реку?

Но где-то в глубине, там, где живёт то самое умение видеть больше, чем кто-то хочет показать, уже крепла уверенность, что не бывает таких совпадений.

Может, стоило рассказать Арману всё?

Ага, и как я поехала в квартиру Фераро, и как он гладил

меня по лицу, и пригласил на ужин к себе домой, и то, что я всерьёз собираюсь сегодня к нему пойти.

Ладно, сегодня решу, сообщить Арману я успею. В конце концов, у меня целых две недели. Сегодня генерал выступает в суде, и я собиралась приехать пораньше, посмотреть на него в деле.

И сообщила охране, чтобы передали Милошу, чтобы он подъехал за мной без четверти шесть.

Но вечером, когда я вышла из здания инквизиции, чтобы ехать в суд, за рулём служебной машины сидел не Милош.

Незнакомый мужчина вышел, холодно кивнул, приоткрыл мне дверцу.

— Добрый вечер, подполковник.

Тоже попаданец.

— А где лейтенант Мориц?

Я думала услышать что-нибудь про архив: закопался, мол, в бумагах, не дозовёшься. Вместо этого он сказал:

— Лейтенант Мориц сегодня утром попал в аварию. Он в больнице, его состояние оценивается, как тяжёлое.

## Глава 13

Я замерла на полушаге, в голове не укладывалось.

Как же так?! Я же ехала с ним утром. Он был жив, злился, ревновал не к месту, но был совершенно невредим.

— Где это произошло?

Мужчина назвал адрес. В названиях улиц я ориентировалась плохо, поэтому переспросила:

— Где это? Далеко отсюда?

Мужчина достал планшет и открыл карту.

— Вот, здесь здание инквизиции. — Мужчина показал на тёмный квадратик, а потом показал на квадратик в другой стороне, довольно далеко. — А вот здесь произошла авария.

Я с удивлением смотрела и не могла понять: у них что, архив находится за городом?

Так и спросила.

— Нет, что вы, госпожа Ставицкая, архив здесь, совсем рядом, на соседней от нас улице.

И вот тут по спине прошёл холод.

Место, где Милош разбился, находилось на противоположном конце города. В стороне, противоположной архиву. Я отправила его перебирать пыльные документы с легендами о «Венце», а он оказался там, куда по этому заданию ему было совершенно незачем ехать.

Что он там делал? Зачем поехал?

Тут я поняла, что либо не расслышала, либо мужчина не представился.

— Как к вам обращаться?

— Лейтенант Тревор, госпожа Ставицкая.

Я ещё подумала, что он, в отличие от Милоша, как робот, просто образец уставных взаимоотношений. А ещё пришла совершенно странная мысль, что вряд ли лейтенант Тревор ходит в маленький храм.

— В каком госпитале лейтенант Мориц? Мы можем заехать к нему по пути в суд? — спросила я

— Можем, подполковник. Госпиталь как раз по дороге.

Мне показалось, что голос лейтенанта слегка дрогнул, что за этим чётким следованием устава всё же есть человек.

В госпитале у стойки девушка-санитарка подсказала, что нам на третий этаж.

— Только вас не пустят, там магическая реанимация, никого не пускают.

Нас действительно не пустили. Я сначала хотела прорваться, продемонстрировав документы, но выяснилось, что Милош Мориц лежал в палате интенсивной терапии, куда посторонним нельзя: там любая лишняя эмоция или, не дай бог, колебания магии могли сбить тонкую магическую составляющую лечения.

Тогда я попросила встречи с доктором, и вот для этого всё же пришлось показать документы. Вышел доктор, лицо у него было усталое.

— Насколько всё серьёзно? — спросила я.

— Весьма серьёзно, мы делаем всё возможное. — Он помолчал, подбирая слова. — Но вряд ли лейтенант в ближайшее время сможет вернуться к службе.

Я поблагодарила и вышла, дав себе слово разобраться.

\*\*\*

В суд я приехала почти вовремя. Выступление генерала Фераро только-только началось.

Зал суда в Аккре был под стать зданию инквизиции — такой же мощный тёмный камень стен, высокие окна, и в этом зале окна тоже выходили на восток.

Такое вот совпадение. Наверное. Я села в последнем ряду — среди тех, кто пришёл поглазеть.

И в какой-то момент так увлеклась, что забыла о времени. Фераро выступал на стороне обвинения.

Как он вёл допрос! Профессионально задавал вопросы, легко балансировал, используя разные типы вопросов. На каждый ответ у него был следующий вопрос, и в какой-то момент допрашиваемый говорил даже то, что не собирался.

Я поймала себя на том, что залюбовалась.

Люди перешёптывались. Судили попаданца; это была редкость, а на такое всегда собирается публика.

Подсудимого звали Франсуа Кротье. Я узнала это, пока слушала обвинение. Ещё одно неместное имя.

Двенадцать лет он служил инквизиции. Достойный по-

служной список, ни одного серьёзного нарекания.

А потом... встретил женщину. На какой-то миг мне стало зябко. Никто из нас не застрахован от чувств. Но мы, поппанцы, не имеем права на чувства. А Франсуа полюбил.

Местную, вплетённую в Узор, из зажиточной, хоть и человеческой семьи. Такие обычно предпочитают держаться от поппанцев подальше. И Франсуа Кротье, двенадцать лет чётко следовавший закону, преступил его.

Он выкрал артефакт для печати на документах и подделал документы для себя и для неё. Документы были сделаны так, чтобы выбраться не только за границу региона, но и по возможности за пределы государства.

Они собирались бежать туда, где бы их не смогли найти. Они почти сбежали. Но именно что почти. Их арестовали на вторые сутки. Её родители забили тревогу. Расследование вёл сам Фераро, и он же сейчас выступал на стороне обвинения.

Я слушала и ловила себя на странном дежавю: артефакт, украденный ради того, чтобы быть с женщиной. Решился бы Франсуа это сделать только ради себя? Вряд ли.

Мысли плавно перетекли к «Венцу». А что, если и этот артефакт был украден ради... женщины?

Сразу вспомнилась формула французских детективов: ищите женщину\*.

(\**Cherchez la femme* — выражение стало крылатым благодаря роману Александра Дюма-отца «Могикане Парижа»

*1854 года.)*

Публика была на стороне Франсуа, как бы странно это ни звучало. Обычно попаданцев не жалели, но здесь... Он красив и трагичен; и преступление, совершённое ради любви.

Никого не убил. Они просто хотели быть вместе. Кто-то в ряду впереди шепнул: «Да помиловать бы — что он такого сделал?», и несколько голов согласно качнулись.

Потом поднялся генерал Фераро.

Он не повышал голоса. Стоило ему подняться, и зал стих.  
— Обвиняемый не отрицает вины, — сказал он. — И зал, я вижу, просит о снисхождении. Он никого не убил. Он хотел лишь свободы и любви. Всё это правда.

Он сделал паузу. В зале установилась просто невероятная тишина. Мне показалось, что многие затаили дыхание в ожидании чуда. Как будто зал поверил, что сейчас будет милость.

— Но всё это не имеет значения, — сказал Фераро.

По рядам прошёл вздох, но тишину никто не нарушил. Все слушали.

— Закон не спрашивает, доброе ли у вас было намерение. Он спрашивает, преступили вы черту или нет. Франсуа Кро-тье, воспользовавшись служебным положением, украл артефакт. Он знал, что нарушает закон, но это его не остановило. — Генерал обвёл взглядом зал, и под этим взглядом смолкли даже те, кто несогласно бурчал. — Если я сделаю исключение сегодня, потому что мне жаль, завтра исключения потребуют десять человек. И у каждого будет своя причина, и

каждая причина будет достойной. Закон перестаёт быть законом в тот день, когда начинает зависеть от чувств. А мир, в котором закон зависит от чувств, — это не милосердный мир. Это мир, где нет закона.

В зале всё так же была оглушающая тишина, и следующий вопрос от Фераро прозвучал словно гром:

— Вы хотите жить в хаосе?

И зал дружно выдохнул: «Нет!»

Генерал Фераро был прав. В том-то и была вся мерзость — он был совершенно прав, и я, слушая, не могла возразить ни слову, хотя всё во мне поднималось на дыбы. Я знала, что ждёт нарушившего закон попаданца — закрытая территория до конца жизни.

Суд удалился на обсуждение, а когда судьи вернулись и зачитали приговор, это прозвучало как формальность. Приговор уже был вынесен. Генералом.

Шикарный и жестокий генерал. Умом я понимала, что он опасен, но не могла отделаться от мысли, что хочу разобраться в нём.

Дважды одёрнула себя: нельзя. Нельзя смотреть на дракона как на мужчину. Они всегда знают, чего хочет женщина, и беззастенчиво этим пользуются.

Впору было повторять своё же правило: нельзя, нельзя, нельзя верить драконам.

Неожиданно генерал повернул голову и через весь зал посмотрел прямо на меня. Как будто знал, что я пришла и сижу

любуюсь им.

Заметив, что я смотрю прямо на него, он медленно, одними уголками губ улыбнулся.

Моё правило раз за разом выдавало ошибку, превращаясь из аксиомы в гипотезу.

Потом всё кончилось. Франсуа Кротье увели.

Когда он проходил мимо первых рядов, случилась небольшая заминка. Молодая женщина вдруг вскочила с места и бросилась к нему. Охрана дёрнулась, но то ли не успела, то ли не захотела вмешиваться.

Она обхватила его за шею.

— Я люблю тебя. — Почти стон, тихо-тихо, но мне показалось, что слышали все.

Франсуа закрыл глаза всего на мгновение, плечи его дёрнулись, как будто он хотел её обнять или дотронуться до неё, но связанные за спиной руки не позволили ему это сделать.

— Живи, — сказал он.

Какой-то пожилой мужчина, видимо отец, мягко, но настойчиво отвёл девушку в сторону.

В глазах у меня защипало, а в горле появился ком. Но приговор был таков, что его нельзя было обжаловать.

Я дождалась Фераро в опустевшем коридоре. Увидев меня, он устало улыбнулся, и это тоже было искренне.

— Поедьте ужинать, — сказал Фераро, натягивая перчатки.

Моя сумасшедшая версия, что вором может оказаться ге-

нерал, только что почти обрушилась, если бы не одно «но».

Когда судья зачитывал приговор, все смотрели на обвиняемого, а я смотрела на генерала. Так вот, он вздрогнул, когда в приговоре прозвучало слово «навсегда».

И именно поэтому я подала ему руку и кивнула: поехали.

И мне очень хотелось верить, что я согласилась именно потому, что всё ещё занималась расследованием.

Очень хотелось.

## Глава 14

На этот раз квартира Фераро не была похожа на уютный склеп.

Что-то в ней неувовимо изменилось, я поняла это, едва переступив порог. Изменился запах. Раньше здесь пахло женскими духами, казалось, будто она вышла всего минуту назад и вот-вот вернётся.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.